

вого комизма, и, наконец, опережая свое время, зазвучал авторский «смех сквозь слезы». Но, несмотря на эти значительные сдвиги, такие автобиографии далеко еще не становились, так сказать, мемуарами «частной жизни», потому что их авторы продолжали открыто выступать как пророки, затем проповедники, и, наконец, просветители, сама история жизни которых должна была приносить, как им казалось, непосредственную пользу в качестве образца для поучения и подражания. Теперь эта польза состояла не только и не столько в «спасении души» человека, сколько в его побуждении к деятельности общественнополезной в том смысле, как это представлялось тому или иному автору в зависимости от его взглядов и конкретных социально-политических обстоятельств.

Такая идейная и структурная трансформация агиографии в автобиографию приводила к тому, что прежний образ героя (святого) как выразителя «воли божьей» превращался в образ героя (автора) как выразителя своих идей и стремлений, впрочем, еще в большей мере социально-типовых, чем собственно индивидуальных. Изображение человеческой судьбы сопровождалось при этом столкновением и совмещением стилей «высоких», книжно-традиционных, и «низких», народно-разговорных, новаторски вводимых в литературу в лучших образцах этого жанра. Автобиографии все более разрастались, приобретали все большую повествовательность, превращались в книги, объединяемые цельностью авторского образа и авторских воззрений, спаянные структурно последовательным изложением событий в виде связанных с жизнью героя чередующихся эпизодов.

В литературе переходного времени подобная автобиография приобретала важное значение потому, что в ее жанровых пределах созревали принципы осознания авторской личности и формировались конструктивные способы ее литературного изображения. В общем движении литературного процесса эта автобиография заняла промежуточное место между старинной агиографией и автобиографическим романом нового времени. Так постепенно создавалась поучительно-литературная история человека.

Близкие по своему историко-литературному типу явления складывались в тот же переходный период и с той же взаимной последовательностью в различных странах по отношению к развитию жанра хронографии. Средневековые летописи и хроники, проникнутые провиденциальной историософией, начали превращаться в историографию национально-патристического, рационально-правоучительного, а затем и просветительского характера.

Старинные идеи летописцев под пером новых историографов концентрировалось, публицистически заострялись и получали конструктивную стройность. Историограф отказывался от продолжения погодной летописи или пополнения хронографических очерков на основе переработок предшествующих сводов с добавлением к ним текущих событий. Он всякий раз писал, как ему казалось, «историю» заново в виде целостной, компилятивно-тенденциозной, снабженной программным предисловием, поучительной и увлекательной «краткой» книги (хотя в действительности нередко эти книги оказывались весьма обширными). Такого рода переработкам подвергались взгляды и творческие принципы средневековых славянских летописцев и хронистов, например русского Нестора («Повесть временных лет», начало XII в.), чешских Козьмы Пражского (XII в.) и Далимила (XIV в.), польских Кадлубека (XIII в.) и Длугоша (XV в.). С творчества Длугоша и начинается переходный период славянской историографии.

В славянской историографии создавался целый комплекс устойчивых идей, свидетельствующих о том, что в это переходное время гуманистические представления авторов, не успев еще отделиться от средневековых традиций, оказались уже тесными первыми идеями Просвещения, окрашенными в каждом случае в национально-патристические тона. Это были историографические идеи о «пользе истории» для развития современного общества, истории как «учительнице жизни» (для каждого человека вооб-